

ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Елизавета Ривина

Только я нажала кнопку стиральной машины, как раздался стук по трубе отопления. У нас не было телефона, и этим стуком соседи с нижнего этажа вызывали нас, если это требовалось.

Телефон. Кажется, такой пустяк. Здесь, в Америке на третий день после нашего приезда он уже стоял у нас на столе. А там, в Союзе, всякая бытовая мелочь превращалась в проблему. Проблемы облепляли нас и усложняли жизнь, мешали двигаться, как липкая грязь на немощённой дороге.

Уже больше пяти лет мы жили в нашей новой квартире, а на очередь стали ещё до завершения строительства дома. Тем не менее, телефона у нас не было. Мы мечтали о нём, как о несбыточном счастье. Думаете, ни у кого не было? Ничего подобного! Наш стоквартирный дом был уже почти полностью телефонизирован, а когда мы стали на очередь, то были шестыми. Все имели какие-то привилегии или умели добиться по-другому, уж не знаю, как (взяточничество было и разрасталось на всех уровнях). Но, к сожалению, мы не владели техникой этого дела, чем по глупости гордились.

Во всяком случае нам повезло с соседями под нами: им поставили телефон, и они сказали нашей семнадцатилетней дочери: Женихи – святое дело, – и разрешили дать их номер её знакомым. Если кто-то звонил нам, они стучали три раза по трубе отопления металлическим сковородником. Мы с мужем беспокоили их в самых крайних случаях. Знали этот номер и мои родители – старые, больные люди. Но обычно я звонила им сама с работы или из автомата.

Я рассказываю об этом так подробно, потому что вся история произошла из-за отсутствия злосчастного телефона и принесла мне много ненужных волнений.

Было начало июля – первые дни отпуска – дети на даче и я решила заняться домашними делами. Как только я включила стиральную машину, раздался стук по батерее.

Когда я, встревоженная, прибежала к соседям, дверь уже была открыта, и моя милая Бася Моисеевна встретила меня, сразу успокаивая:

– Это – мама, но у них всё в порядке, я спросила.

Мама сообщила, что звонили из Лесотехнической академии, где я работала, и сказали, чтобы я немедленно явилась туда. Я оторопела: прошло всего три дня моего отпуска, а перед тем я всю отчётность привела в порядок. Без этого меня бы просто не отпустили. Не знаю, как в других ВУЗах, но у нас даже каждый зачёт, не говоря об экзаменах, надо было проставить в восьми местах: в кафедральном и факультетском журналах, в зачётной книжке студента, в ведомостях и так далее, и тому подобное. И не дай тебе Бог что-нибудь забыть! Студентов с «хвостами» у меня тоже вроде не было. В чём же дело? Я не могла понять. Попробовала позвонить на кафедру, коллегам – безрезультатно. Мама сказала ещё, что голос был незнакомый и какой-то официальный.

В полной растерянности вернулась я к себе, остановила свою стиральную машину, быстро переоделась и поехала. Если учесть, что дорога отнимала у меня больше часа (надо было сделать две пересадки), времени для размышления у меня было предостаточно.

Сначала мои мысли вертелись вокруг кафедральных проблем: возникли какие-то студенты-заочники с задолженностями или заболел дежурный преподаватель. А может быть, всё-таки не досмотрела, пропустила что-то? Тогда моя заведующая секцией со всей её «ленинской скромностью», как она любила говорить, съест меня с потрохами.

Но вот и академия. После жары на улице я сразу погрузилась в тишину и прохладу здания. Поднялась на второй этаж. Нигде ни души. Как-то странно, непривычно. Иду по длинному коридору сквозь строй старых, разохшихся дверей. За спиной – огромное, от пола до потолка панно: чёрно-белая берёзовая роща. Передо мной такое же по размеру окно освещает коридор. Всё такое знакомое, но без людей воспринимается иначе. Мои каблукки тоже стучат как-то по-другому в пустом здании, и сердце сжимается. Отчего бы? Но пока я шла на кафедру, мне было проще, я была уверена, что там есть люди, и ситуация прояснится. Я не столько волновалась, сколько злилась и недоумевала. Все мои планы летят к чёрту. Почему? Может, мне просто надо было не обращать внимания на этот звонок...

Вот и четвёртый этаж, кафедра. Не глядя, хватаюсь за ручки двери – заперто. Но, что это? К двери пришпилена записка, адресованная мне. Почерк незнакомый. Ещё более встревоженная, прочитала: «Немедленно явиться в ректорат». Больше всего удивил сам тон записки. В ректорат? Зачем? Неужели ректор не в отпуске? Я знала его в лицо, но мне не приходилось ни разу с ним разговаривать, и я не знала, что он за человек и что можно ожидать от него. Внешне – интеллигентный, пожилой, на щеках – склеротический

румянец, на голове – всегда аккуратно причёсанный седенький пушок. Его знали все, так как он во время перерыва на обед имел обыкновение встать в очередь за студентами. Он – профессор-химик. Его секретарь – резкий контраст с ним – производила впечатление домработницы или экономки из богатого дома. Удивительно простая, бесцветная, но очень опрятная личность. Я никогда не слышала её голоса и не видела улыбки на её лице. С кем же из них предстоит мне разговаривать? Не думалось ни о чём хорошем по многим причинам. Во-первых, не приучены мы были к приятным неожиданностям, а во-вторых, я только перед отпуском прошла по конкурсу на должность ассистента, а до этого два года была «почасовиком» и ещё год работала с полной нагрузкой, получая полставки. Впервые перед отпуском получила полную зарплату и ещё не верила в своё счастье... «Что же случилось?» – спрашивала я себя снова и снова. По тем же пустым коридорам проследовала в ректорат. Теперь всё окружающее казалось даже зловещим – и запертые двери, и лучи солнца, пробивающиеся сквозь замочные скважины и щели с пляшущими в них пылинками.

На месте в ректорате оказалась секретарь. Встретила она меня очень сухо, ибо тоже ничего толком не знала, но ждала меня, чтобы сказать, что ректор мне велел немедленно, когда бы я ни пришла, ехать в Юсуповский дворец. Странно: если это было так срочно и важно, то почему нельзя было об этом просто сказать родителям по телефону? По крайней мере, я немного успокоилась, поняв, что дело не в том, чего я боялась. В Юсуповском дворце помещался Дом учителя, но – опять ехать через весь город.

На улице я немного расслабилась. Проходя мимо парикмахерской, заметила, что там совершенно пусто, одни мастера, и решила: была-не была, неизвестно куда и зачем я иду, надо выглядеть прилично – сделать причёску. Наверное, все женщины таковы: настроение во многом зависит от того, как я выгляжу.

Минут через сорок я подъехала к Дому учителя уже в нормальном состоянии, только снедаемая любопытством. Первое, что мне бросилось в глаза, – необыкновенное скопление машин и полное отсутствие прохожих. Вдруг из одной машины вышли два молодых человека выше среднего роста, одетые как-то странно: на одном были светлые брюки, тёмный пиджак и соломенная шляпа на голове, а на другом наоборот – тёмные брюки, светлый пиджак и такая же шляпа. Я когда-то видела так одетых исполнителей ритмических танцев в эстрадном концерте. Мне стало смешно, и я не смогла сдержать улыбку. Но тут поняла, что эти двое – совсем не артисты, а если и артисты, то уж никак не

в весёлом жанре. Шли они прямо ко мне, и один, поздоровавшись, назвал меня по имени-отчеству, уточняя – я ли это. Я спросила:

– В чём дело?

– Сейчас поймёте, – ответили они как-то оба сразу. – Пройдёмте в здание, вас давно ждут.

Тут я уже не на шутку струхнула, веселья как не бывало, мыслей – никаких, только тупой замораживающий страх. А они идут с двух сторон. Поднялись на второй этаж. Мне этот путь показался бесконечным! Один из них открыл какую-то дверь и сказал кому-то:

– Это – она, – и легонько «продвинул» меня вперёд. Дверь распахнулась пошире. Молодые люди отступили назад, а я переступила порог и обомлела: картина, которая открылась, была мне знакома только по кино. Огромный зал с высоким потолком, как принято во дворцах, стены, обшитые деревянными панелями... Но не помещение меня поразило, а то, что происходило в нём: длинный стол заполнял почти всю ширину зала. Вдоль стола группами по трое-четверо сидели люди. Перед каждой из групп – маленькие флажки разных государств.

Я ещё не успела до конца осмыслить, где я и что здесь происходит, как кто-то взял меня за локоть, повёл вдоль стола. Ноги мои едва двигались, голова вообще не работала. А человек вёл меня куда-то и, улыбаясь, что-то говорил, но что – я не слышала совершенно. Мне показалось, что воцарилась мёртвая тишина, в то же время я видела, что у многих шевелились губы, кто-то улыбался. Просто я была в шоковом состоянии.

Наконец, мой провожатый остановился, и сразу, как по команде, три головы обернулись в нашу сторону. Я услышала английскую фразу:

– Вот вам переводчик.

Все зашевелились, и возле тех троих освободилось место. Меня опять же очень тихо представили, а те трое в свою очередь назвали себя. Я только успела сесть, как старший из них – глава делегации – поднялся и начал говорить по-французски, дав мне понять, что я должна переводить.

Всё объяснялось очень просто. Шло заседание СЭВ по стандартизации пиломатериалов. У всех делегаций были свои переводчики, а у румын – нет. Пригласили интуристовского, благо все румыны прекрасно говорят по-французски. Интуристовская

переводчица споткнулась на специальной терминологии. Тогда член советской делегации, профессор Лесотехнической академии, предложил пригласить преподавателя с кафедры иностранных языков, зная по собственному опыту, что мы этой терминологией владеем. Он позвонил ректору, а тот, будучи в отпуске, занятый своими личными делами, не очень вникая в детали, «спустил» приказание своей секретарше без каких бы то ни было разъяснений, чем, кстати, её очень обидел, – отсюда подчёркнутая сухость её тона.

А я? Что ж, слава Богу, не уволили...

На этом история не закончилась. Я проработала на конференции десять дней и, несмотря на всю предысторию, была счастлива. Я очень люблю свою специальность – французский язык. В силу обстоятельств я десять лет проработала в средней школе с немецким и английским языками, которые знала хуже и всё время от этого страдала. Только в академии получила, наконец, возможность применить свои знания, а на заседании СЭВ была просто в эйфории. «Своих» румын я водила по городу и по музеям и не знала, что для них сделать ещё. Они были очень любезны, всё время улыбались, благодарили, целовали мне руку, но даже в трамвае я платила за себя сама, а они свои трамвайные билеты сохраняли для отчёта. Мне тогда это было просто дико. Не бывала я тогда ещё нигде за границей, не понимала я такой мелочной расчётливости.

По окончании заседания нашей делегацией был устроен банкет для всех участников. Глава делегации в конце дня отозвал меня в сторону и, смущаясь, предложил подписать какую-то бумагу. Я посмотрела – это была ведомость, где значилось, что за работу я должна была получать по 100 рублей в день, то есть 1000 – за десять, для меня огромные деньги. Достаточно сказать, что столь долгожданная ставка ассистента кафедры равнялась 160 рублям за месяц. Я посмотрела на него так, что он сразу начал объяснять: – Эти деньги ушли на устройство банкета. Вам потом дадут отгулять проработанные дни. Я промолчала, даже не сказала ему, что, если бы работала переводчица из «Интуриста», им пришлось бы заплатить всё.

А мне даже забыли прибавить эти дни к отпуску, как обещали.